

были склонны отрицательно отвечать на вопрос о возможности постичь бесспорную и абсолютную (т. е. божественную) истину естественным путем, т. е. разумом человека, не озаренным особым, немеркнущим (нетварным) светом. Как и у него, принятый ими таким образом постулат об отсутствии непосредственной связи между наукой и теологией приводил их к одному из двух возможных заключений: следовало либо, теологию признать сомнительной, либо науку объявить несостоятельной. В сущности, каждый из византийских мыслителей (сознательно или неосознанно — вопрос другой, но безусловно в соответствии со своими убеждениями и идеологическими пристрастиями) должен был сделать для себя этот выбор, который и развел их по разные стороны баррикады.

Палама и его сторонники совершенно недвусмысленно сделали ставку на откровенный иррационализм и мистику, укрывшись в конце концов в «слоновой кости башне исихазма» (выражение г. Подскальского) и уповая на возможность посредством исихии совершенно реально войти в единение с божеством, созерцать его уже в этой жизни преображенными телесными очами. И хотя именно у Паламы встречается любопытнейшее высказывание о «двойственной истине», ясно, однако, что истолковывал он эту идею весьма своеобразно. Оба вида истины у Паламы отнюдь не равнозначны: тогда как первая из них — боговдохновенная, вторая, т. е. та, которая постигается «внешней философией», значительно уступает первой по своей ценности — она не несет спасения и вообще необязательна⁹. Возникает вопрос: можно ли признать вторую истину вообще?

Что же касается Варлаама и его последователей (зачастую неблагодарных, отнюдь не склонных афишировать свою приверженность идеям Варлаама и даже принимавших участие — как Нил Кавасила — в гонениях на него), то их позиция представляется более богатой оттенками, менее систематичной и последовательной. Оставаясь по типу своего мышления в сфере схоластических рассуждений о божестве (в частности, допускалась возможность простого причинного доказательств существования бога), искренне считая себя наиболее правыми защитниками веры, они тем не менее, признавая необходимость сочетания в научном методе силлогистического, дедуктивного знания с индуктивным, эмпирическим (например, Григора)¹⁰, практически шли к изучению материального мира и его закономерностей, освобождая философию и науку от каких бы то ни было обязательств перед теологией. Именно это имел в виду, вероятно исихаст Филофей Коккин, когда напал на Григору за то, что тот не подчиняет светскую греческую философию (как служанку) высшей и истинной мудрости (т. е. богословию) (PG. T. 151. Col. 827 D—828 A). Именно акцент на познании единичных вещей (τα,` μοναδικά) тварного мира как наиболее реальных и соответствующих полученным из эмпирии κοιναι,` ε,` ;` υνοια (universalia sunt nomina, post rem) создает не лишнее, как кажется, оснований впечатление о наличии в таком подходе латентных элементов номинализма (по крайней мере в мировоззрении Варлаама¹¹), а тем самым стихийного материализма, хотя в целом мировоззрение рассматриваемой группы философов оставалось, конечно же, сугубо идеалистическим. И именно в этом смысле представляется возможным, несколько упрощая историческую действительность и учитывая высказывание Маркса о материалистическом характере средневекового номинализма¹², рассматривать номиналистические тенденции в учении Варлаама как первое выражение материализма в Византии. В самом деле, положение Маркса о материалистическом характере средневекового номинализма «имплицитно содержит мысль о том, что в рамках самой теологии могут возникнуть предпосылки материалистического решения вопроса об отношении природы и мышления человека»¹³. Материалистический характер номинализма поздней схоластики доказывается, помимо всего прочего, также его связью с наукой, с номиналистическими корнями современной физики¹⁴.

В ходе полемической борьбы были высказаны и такие мысли, которые могут квалифицироваться как элементы стихийной диалектики, предвосхищавшие в какой-то мере идеи Кан-

⁹ Christou P. C. Double Knowledge according to Gregory Palamas // *Studia Patristica*. 1966. Vol. 9. P. 20—29.

¹⁰ Podskalsky G. *Op. cit.* S. 160—163; Beyer H.-V. *Op. cit.* S. 61.

¹¹ Cp. Meyendorff J. Humanisme nominaliste et mystique chrétienne au XIVe siècle // *Idem*. Byzantine Hesyasm: Historical, theological and social problems. L., 1974. Art. VI. P. 910f.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 142.

¹³ Чалоян В. К. Проблемы истории философии эпохи феодализма // ВФ. 1968. № 4. с. 116.

¹⁴ Mittelstass J. Remarks on nominalistic roots of modern science // *Organon*. 1967. Vol. 4. P. 39—46.